

ОУИ НБ МГУ №1575

О внутренней жизни Института философии, советской религиозности и смерти Эвальда Ильенкова

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1575>

4 апреля 2013

Собеседник

Лекторский Владислав Александрович

Ведущий

Труфанова Елена Олеговна

Дата записи

Беседа записана 4 апреля 2013 и опубликована 3 февраля 2016.

Введение

Во второй беседе доктор философских наук академик Владислав Лекторский вспоминает свои первые научные публикации и первые годы работы в Институте философии. Заинтересовавшись трудами Жана Пиаже и столкнувшись с отсутствием русских переводов его работ, ученый в ускоренном порядке выучил французский. Вместе с коллегой Вадимом Садовским он сделал ряд публикаций, посвященных этому швейцарскому психологу и философу. Также он изучал и популяризировал труды Людвиг фон Берталанфи и по праву считает себя одним из основоположников системного анализа в нашей стране.

Владислав Лекторский подробно описывает атмосферу, в которой находились советские философы 1960-х—1980-х годов. Говорит о том, как смена директора Института философии влияла на сотрудников. Интересны наблюдения о том, как проявлялась религиозность в среде советской интеллигенции.

Драматическая кульминация беседы — рассказ о трагической гибели одного из ведущих советских философов Эвальда Ильенкова.

Завершает вторую беседу рассказ о том, как изменилась жизнь и работа философов с началом перестройки.

Елена Олеговна Труфанова: Мы продолжаем нашу беседу с Владиславом Александровичем Лекторским.

Владислав Александрович Лекторский: Бесконечную. (*Смеются.*)

Е.Т.: И в прошлый раз в вашем рассказе мы остановились на 70-х годах, когда вы уже начали работать в Институте. Вы рассказали о ряде некоторых перипетий, связанных с различными директорами Института и вообще некоторыми такими напряженными ситуациями, которые возникали на столкновении науки и идеологии, скажем так. Но мы не затронули следующий вопрос: вы пришли работать в Институт, в аспирантуру сначала, но вы пришли работать как ученый. Какие были ваши первые шаги на этом поприще? Может, вы помните, какая была первая важная статья, которую вы опубликовали, или какие-то первые работы?

Владислав Лекторский. 1955 г.

В.Л.: Я пришел в аспирантуру Института в 1957 году. В 59-м году аспирантуру закончил, два года всего учился в аспирантуре, потому что экзамены кандидатского минимума я сдал еще до аспирантуры, когда я работал в Московском государственном экономическом институте, так что мне сдавать экзамены было не надо, дали для аспирантуры мне всего два года, два года эти прошли, я остался в Институте, диссертацию я не сразу защитил, я защитил ее позднее, но сразу после аспирантуры включился в научную работу. Я уже рассказывал, что, когда я учился на философском факультете, кончал, вернее, философский факультет, появились новые преподаватели: Ильенков, Коровиков, и другие, — которые пришли к выводу, что философ как профессионал должен прежде всего заниматься исследованием мышления, научного мышления, а предмет философии — это теория мышления, или теория познания. Это как бы одно и то же,

по Гегелю или по Ленину: диалектика, логика и теория познания — это одно и то же, были такие слова Ленина, и это высказывание обыгрывалось этими людьми. Это все было осуждено как ересь, я рассказывал о дискуссии, которая была на философском факультете в 54-м году, в результате которой этих людей изгнали с факультета.

” Но в любом случае осудили это направление, приклеили кличку «гносеологов» к этим людям, и ко мне в том числе, а это такая была позорная кличка, это было хуже, чем «буржуазный философ».

Е.Т. (*смеется*): Контрреволюционер.

В.Л.: Да, близко к этому. Это ревизионист, а ревизионист — это хуже, чем буржуазный философ. (В скобках замечу: был в нашей стране после революции такой философ Асмус, я о нем уже рассказывал, был он известный человек, в конце 20-х годов работал в Институте философии, и как-то был связан с Дебориным, не идейно связан, но просто работал в группе людей, которых Деборин возглавлял. И когда в 1933 году начали громить «меньшевиствующих идеалистов» во главе с Дебориным, то и Асмуса пытались записать в «меньшевиствующие идеалисты». И тогда какой-то человек, который пытался спасти Асмуса, сказал про него: «он не „меньшевиствующий идеалист“, он просто идеалист!». А это было лучше, чем быть «меньшевиствующим идеалистом».) Вот и «гносеологи» — это были «плохие» очень люди. Осудить-то их осудили. Но получилось так, что, поскольку эти люди и примкнувшие к ним пытались какими-то реальными интересными философскими проблемами заниматься, то вся молодежь к ним потянулась. И не только люди, которые на Ильенкова ориентировались, были его учениками, каковым был я, но и молодежь, связанная с идеями других наших интересных философов, которые появились в эти же годы. Например, почти одновременно с Ильенковым Зиновьев защищал кандидатскую диссертацию по логике и тоже на близком Ильенкову материале, на материале логики «Капитала» Карла Маркса. У Зиновьева были ученики, я уже рассказывал о них: Грушин, Мамардашвили, Щедровицкий, то есть большая группа людей, которые, по-разному понимая это, пытались анализировать мышление. Ильенков делал это одним способом, опираясь на гегелевскую традицию, на традицию немецкой классической философии. Зиновьев опирался больше на другие традиции, в том числе на логическую традицию, Щедровицкий что-то свое изобретал, но так или иначе было много таких интересных людей, много работ, а вокруг них молодежь, студенты, аспиранты. В это же время в психологии начались любопытные изменения: наши психологи стали заниматься анализом мышления, были интересные люди в этой области они тоже по-разному работали, поскольку там были разные школы. С одной стороны Алексей Николаевич Леонтьев и группа его учеников, (Гальперин и другие) исходили из традиции Выготского. Василий Васильевич Давыдов был учеником Петра Яковлевича Гальперина, а в плане философском был близок к Ильенкову. Я познакомился с Василием Васильевичем как раз в 1955 году, когда он приходил на наш факультет, на наш семинар, спецсеминар, посвященный исследованию логики «Капитала». Другие молодые психологи (я познакомился с ними позже), в традиции Рубинштейна анализировал мышление.

” Это было когнитивное движение, или даже «когнитивная революция».

А некоторые из молодых логиков стали заниматься символической логикой, кибернетика стала бурно развиваться, и даже был такой специальный научный совет по кибернетике при Президиуме Академии наук СССР, который выпускал регулярно серию книг под названием «Кибернетика на службе коммунизма». Кибернетику у нас связали с коммунизмом, с научно-технической революцией. Масса людей — философы, психологи, логики, математики, кибернетики — пытались моделировать мышление, но они все мышление понимали по-разному и с разных сторон его изучали, семиотика в это же время стала развиваться. В общем, это было интересное движение, разные люди, с разными идеями. Это нас захватило всех, и когда я попал в Институт философии, конечно, я сформировал свои взгляды

под влиянием Ильенкова и понимал проблематику мышления и познания первоначально в этом духе. Потом мой круг интересов расширился, в результате контактов с разными людьми. Во-первых, у нас появился в Институте философии (уже когда я кончил аспирантуру, где-то в конце 50-х — 60-х годов) и прочитал нам цикл лекций, в течение двух или трех лет, приехавший из Грузии известный философ, очень интересный человек, профессор Бакрадзе. Он нам читал, во-первых, спецкурс по Гегелю, где Гегеля он трактовал по-своему, не как Ильенков, отлично от него, но тоже интересно. Потом он прочитал нам курс лекций по современной западной философии, начиная со второй половины XIX века: там был Мах, эмпириокритицизм, там было неокантианство немецкое и феноменология. Очень интересно.

” Это было необычно, потому что обычно у нас об этих философах очень трудно было что-то узнать, потому что их ругали просто последними словами. А что именно эти философы говорили, какова была логика их рассуждений и их аргументы, этого никто не знал на основании тех лекций, которые нам читали в годы учебы в МГУ.

А Бакрадзе, кстати, в Германии учился в течение 15 лет, у Гуссерля самого, потом он вернулся в СССР где-то году в 32-м, когда фашисты к власти в Германии пришли. Он знал хорошо немецкую философию начала XX века, он излагал нам ее подробно, приводил аргументацию, анализировал тексты: что сказал Герман Коган, что сказал Гуссерль и так далее. И Мах оказался даже не такой идиот последний, каким нам его изображали обычно. В общем, это было расширением кругозора, пришло понимание того, что к теории познания можно подходить по-разному. Потом я стал читать английских авторов, Райла помню читал, много чего другого. В этих своих исканиях, чтобы как-то определиться, мне было интересно понять, как можно было подойти к этим вопросам в более широкой перспективе, чем та, которую я усвоил первоначально на факультете у того же Ильенкова.

Первые публикации

Я натолкнулся на то, что у нас очень популярен среди психологов Жан Пиаже: у Давыдова Василия Васильевича на него были ссылки, у Щедровицкого. А Пиаже — это известный швейцарский психолог, один из классиков психологии XX века, который занимался психическим развитием ребенка, но потом вышел на более широкую проблематику, и создал концепцию, которую он назвал «генетическая эпистемология». Он считал, что решает философские проблемы, связанные с пониманием не только мышления, а познания в целом. И даже логику свою он построил, считая, что символическая логика в том виде, в котором она до этого времени разрабатывалась, недостаточно объясняет развитие мышления. Потому что в процессе развития интеллекта ребенка, считал Пиаже, логические структуры меняются: на ранних этапах развития ребенка действует одна логика, потом — несколько другая. Вот такая основная идея Пиаже, не буду в тонкости вдаваться. В общем, он такую операторную логику разработал, целую книжку написал об этом, и философские работы у него были, и чисто психологические. Теоретик и экспериментатор, но больше теоретик психологии. Я этим заинтересовался. По-русски ничего из его работ не было в то время. А у Пиаже огромная такая книжка есть, до сих пор не переведенная, кстати, на русский язык, в трех томах: «Введение в генетическую эпистемологию».

” Я хотел почитать ее, а как почитать по-французски? Я ускоренными методами за полгода изучил французский язык так, чтобы читать было можно: я говорить не могу до сих пор, а читать тексты могу. Ну, по крайней мере специальные, со словарем иногда.

Я прочитал все три тома Пиаже, и другие работы его читал.

Е.Т.: А английский вы уже знали?

В.Л.: Английский-то я знал. Я разговорный тогда плохо знал, потом я уже разговорный освоил.

Е.Т.: А в школе вы какой язык учили?

В.Л.: Английский. Читать по-английски у меня проблем не было никаких, а французский я не знал.

И вот я прочитал три тома Пиаже, и Вадим Садовский, мой друг близкий, этим тоже заинтересовался, мы с ним стали писать о Пиаже. Целый ряд статей написали, в том числе в «Вопросы психологии», первые наши публикации по Пиаже были именно там, и вообще мы были чуть ли не первыми, кто у нас начал писать о Пиаже. А потом где-то в 60-е годы уже издали по-русски большой том работ Пиаже, были переводчики у нас, а мы написали предисловие и комментарии. Это один из моих первых интересов в связи с разработкой проблем эпистемологии.

А вот второй. Где-то в процессе этих моих поисков я наткнулся на то, что на Западе, в Америке в 60-е годы возникло интересное движение под названием «Общая теория систем», которое основал Берталанфи, великий человек. И вот я стал это читать. Это интересным показалось. И мы с Вадимом Садовским написали статью о Берталанфи под названием «О принципах исследования систем», которая была опубликована в 1960 году в журнале «Вопросы философии», с некоторым скрипом, но опубликовали ее.

Е.Т.: Это ваша первая статья в «Вопросы философии»?

В.Л.: Это была первая публикация в этом журнале. И эта публикация, как ни странно, имела огромный резонанс. Потому что, в сущности, из этой публикации выросло то, что было названо в нашей стране системно-структурным движением, это был как бы толчок для этого движения. Потом эти ребята, в том числе и Садовский, мой соавтор, вместе с Игорем Викторовичем Блаубергом и Эриком Григорьевичем Юдиным, создали специальный сектор системно-структурных исследований в Институте истории естествознания и техники АН СССР. Потом этот сектор передали во вновь созданный 10 лет спустя Институт системного анализа Академии наук. Гвишиани был первым директором этого института, и институт существует до сих пор, и называется сейчас Институт системного анализа РАН.

Е.Т.: Это был целый период такой моды на системный подход, потом была синергетика.

В.Л.: В каком-то смысле я могу считать себя одним из основоположников этого системного движения в нашей стране. Я потом этим не стал заниматься, хотя время от времени к этому обращался, например, когда у системщиков наших, моих друзей, были некоторые проблемы (их обвиняли в том, что они отходят от марксизма и что-то еще там такое крамольное им приписывали), мне приходилось писать тексты в защиту этого движения и этих людей. Забегая несколько вперед, скажу, что в 1972 году мы в нашем секторе выпустили книжку под названием «Философия. Методология. Наука». В этой книжке была моя совместная с Швыревым статья о формах и типах методологического исследования. Мы там проводили идею о том, что методология не сводится только к философской [проблематике], она бывает разного типа, может быть в том числе внутринаучной или междисциплинарной. Одной из таких междисциплинарных методологий, писали мы, является общая теория систем. Она не философская, хотя философские вопросы там естественно возникают. Вот такого рода статья, которая должна была по крайней мере этих людей оградить от идеологической критики, которая все время раздавалась в их адрес: их обвиняли в том, что они хотят подменить марксистскую методологию какой-то системной. После выхода этой книги прошло еще года 3–4, и академик Ильичев, который был секретарем ЦК по идеологии во времена Хрущева (он известен участием в разгроме молодых художников — участников выставки в Манеже в 1962 году) разразился статьей в «Вопросах философии», в которой он нас с Швыревым обвинял в ревизии марксизма.

Это был уже 1977 год, статья эта вышла, но никто ее и не заметил. Никаких не было результатов ее появления. Уже было несколько другое время. Что же касается нашей с Садовским статьи «Принципы исследования систем», то она имела резонанс еще и с другой стороны. Где-то в году 1961-м, когда директором нашего Института был Федосеев (впоследствии вице-президент Академии наук), приехала

в институт делегация американских социологов. Тогда еще у нас не было Института социологии, и социология как бы не отделилась еще от философии у нас, но в Институте философии был социологический сектор, который назывался сектором по изучению новых форм труда и быта, где уже делали конкретные социологические исследования в небольшом масштабе — потом из этого вырос Институт социологии АН СССР. И вот приехали в наш институт эти американские социологи. Это были известные социологи, возглавлял эту группу Роберт Мертон, классик американской социологии. Их было человек 5–6 всего, и одним из них был Анатолий Рапопорт, он был математик, но занимался он также математической социологией и, как я потом узнал, был одним из лидеров американского движения «Общая теория систем». Они издавали в Америке начиная с 60-го года ежегодник по системным исследованиям. Нас с Садовским пригласили на эту встречу, мы не знали, зачем, но пришли. И вот Рапопорт, который, как оказалось, еще и по-русски хорошо говорит (он когда-то в США из России приехал), к нам подошел и сказал: «Я вас поздравляю, вашу статью перевели на английский язык, она опубликована в 61-м году в „Ежегоднике системных исследований“».

” А в те годы, я об этом рассказывал, когда тебя кто-то за границей переводит, хвалит, это скорее была не похвала, а обвинение с точки зрения наших идеологов: это заставляло их к тебе с подозрением относиться, потому что если тебя хвалят немарксисты, то непонятно, за что тебя хвалят, надо к тебе присмотреться, то ли ты пишешь, что нужно.

В общем, такое вот знакомство наше с Рапопортом состоялось, и потом, насколько я знаю, Садовский с ним поддерживал связь. Рапопорт сюда потом неоднократно приезжал и в более поздние годы, я его тоже знал хорошо. Его последняя поездка сюда была в 1995 году, он приехал в Институт философии уже не АН СССР, а РАН, мы встречали его, он интересный доклад сделал. Я был одним из тех, кто вел это заседание. Потом начались вопросы, а это 95-й год, советской власти уже нет, и вот какие-то выступают люди при обсуждении его доклада, и говорят ему: «Как хорошо, что мы покончили с социализмом, теперь демократия у нас, свободный рынок!» Рапопорт слушает это с каким-то кислым лицом. «Вот вы системными своими исследованиями, — говорят эти люди Рапопорту, — помогли нам понять, как мы зашли в тупик». А Рапопорт слушал, слушал и сказал: «Вы знаете, по-моему, вы меня принимаете за какого-то другого человека, я ведь всю жизнь был сторонником социализма с человеческим лицом, ни о каком капитализме никогда не писал и его не защищал» *(смеется)*.

Вот такие были у меня первые публикации.

Кандидатская диссертация

Я диссертацию защитил в 64-м, а уже года через два вышла моя книжка на основе кандидатской диссертации.

Е.Т.: Тема диссертации у вас была «Проблема субъекта...»?

В.Л.: «Проблема субъекта объекта в классической и современной буржуазной философии» — так она называлась. Потому что о современной западной философии надо было обязательно писать с добавлением «буржуазная», другой не могло быть по определению. Но тем не менее, я пытался какие-то серьезные вещи обсуждать. Об этой книжке я уже немного рассказывал.

Е.Т.: А научным руководителем кто был у вас диссертации?

В.Л.: Таванец был, он был хороший человек. Он был заведующим сектором логики в это время, но мне не мешал и как-то меня поддерживал. А оппонентами моими при защите были два человека: это Копнин

Павел Васильевич, он тогда был директором Института философии Академии наук Украины, а вторым был Владимир Сергеевич Швырев, мой друг, он немножко раньше меня защитил кандидатскую диссертацию. А Копнин меня брал в аспирантуру в Институт философии АН СССР, в сектор диалектического материализма, которым он тогда руководил, потом он уехал на Украину, поэтому он меня хорошо знал.

Моя книжка эта тоже имела определенный резонанс. У нас она вызвала интерес, потом, как я узнал от болгар, которые приезжали, что и в Болгарии она тоже была с интересом воспринята рядом философов. В Болгарии главным корифеем философским был Тодор Павлов, он был президентом Академии наук, членом Политбюро, философом главным, а у него главный труд — это «Теория отражения». И Теодор Павлов считал, что всякие разговоры о деятельности несовместимы с теорией отражения, он такой ортодокс. А я-то как раз в своей книжке пытался через деятельностные позиции все вещи, связанные с познанием, понять, какие-то принятые представления я там оспаривал, в частности, принятое понимание самого отражения, тем более имевшееся у Павлова. И вот для болгарских философов было важно использовать мою книгу в их собственных попытках как-то отстоять несколько иной подход к этим сюжетам, чем это у них было принято под влиянием Тодора Павлова. А Тодор Павлов, когда я с ним познакомился лично (это было в 71-м году), сказал, что теория деятельности несовместима с марксизмом-ленинизмом. Моя первая книжка вышла в 1966 году. Лет через 20 после этого я познакомился с одним германским психологом, он жил в Западной Германии, и он мне рассказал о том, как мою книжку, переведенную в 1970 году на немецкий язык в ГДР (ее в это же время перевели и на словацкий язык), встретили некоторые левые интеллектуалы — философы, психологи, педагоги — в Западной Германии. Поскольку мою книгу нельзя было купить в Западной Германии, эти левые интеллектуалы ее ксерокопировали и распространяли даже. Некоторые из этих моих немецких читателей потом стали известными людьми. Я потом завязал, с ними имел контакты. Один из них Михаил Отте, с которым я позже познакомился, мне впоследствии помогал в издании моей второй книжки в ФРГ — уже в 1982 году. Другой известный педагогический психолог Герберт Фихтнер, в течении многих лет он был членом исполкома международного общества по изучению деятельности. Я тоже впоследствии работал в этом в исполкоме. А самое главное, — я уже об этом говорил — приезжал сюда Михаил Маркович, мы с ним познакомились, я подарил ему книжку, а когда он вернулся в Югославию, то написал очень хорошо о моей книжке. Эта его публикация попала в ТАССовские материалы, которые рассылались по особому списку. Заинтересовало это дело самого Демичева, бывшего тогда секретаря ЦК по идеологии: нет ли в книжке Лекторского какой-нибудь ревизии марксизма, если его хвалит известный ревизионист Маркович? Иван Тимофеевич Фролов был в то время помощником Демичева, он почитал мою книжку и дал Демичеву самые положительные отзывы о моей книжке. После чего я как-то стал посещать Фролова, он меня регулярно приглашал в ЦК, и с Демичевым меня познакомил. Об этом я уже говорил.

Новая полоса в жизни Института философии

При Украинцеве началась новая полоса в жизни института, а главное, в жизни нашего сектора: нас хотели просто уничтожить. Это, к счастью, не удалось сделать, но сектор переименовали. Он до 1977 года назывался сектором диалектического материализма, и мы отвечали за всю эту проблематику, а это и онтология, и теория познания, и теория диалектики, а когда нас переименовали в сектор теории познания, то жить стало легче: не нужно было отвечать за всю проблематику диалектического материализма. В 77-м году в институте сделали несколько секторов диалектического материализма, создали большой отдел, в который кроме нашего сектора входили еще сектор теории отражения, сектор диалектической логики, чуть ли не сектор материализма, кажется даже, что одно время в институте был сектор истины. Потом, когда сектора в лаборатории переименовывали (был и такой эпизод в жизни института, а потом снова возвращали название «сектор») так вот в то время в институте была «Лаборатория истины», она так называлась.

Е.Т.: А сектора смысла жизни не было? (*Смеется.*)

В.Л.: Было что-то похожее: вроде сектора смысла российской истории.

Наш сектор стал сектором теории познания, но это было хорошо. Я уже рассказал, как ушел из сектора Дынин, как мне выговор объявили. Но все это кончилось тем, что в результате как-то меня меньше стали звать на всякие совещания: все мы вроде под подозрением ходим, и неизвестно то ли будет существовать сектор наш, то ли нет. И тем более неизвестно, кто будет его заведующим.

И нас как-то отодвинули в сторону, никуда не вызывают, никуда не приглашают.

И у меня появилось много свободного времени. Это было хорошо: начался весьма плодотворный творческий период в моей жизни, я сел писать. И написал книжку, диссертацию одновременно докторскую. Вот эту книжку, которая потом вышла, она вышла уже в 1980 году под названием «Субъект. Объект. Познание», большая такая книжка, основанная на осмыслении нового этапа разработки теоретико-познавательной проблематики, в том числе и на Западе.

Докторская диссертация

Е.Т.: В докторской вы продолжали эту же тему?

В.Л.: Да, докторская была на ту же тему, сейчас я расскажу об этом. А новую книжку я закончил где-то в 1977 году, докторскую защитил в 78-м году на основе этой книжки. В эту книгу я ввел много нового материала для философского осмысления. С одной стороны, это новый психологический материал, который я пытался осмысливать с позиций деятельностного понимания познания, социально-культурного понимания, а с другой стороны, новый материал философии и истории науки, в частности, работы Т.Куна, И. Лакатоса и др. Я попытался осмыслить этот новый материал, развивая ту концепцию, которую я уже начал формулировать до этого, в своей первой книжке и которая вписывалась в традиции моего и моих близких коллег понимания марксистской философии: всей проблематики, связанной с деятельностью, с опредмечиванием и так далее.

Докторскую диссертацию я защитил в 1979 году, а книжка вышла в 1980 году. Кстати, когда я обсуждал еще докторскую диссертацию в нашем секторе какие-то замечания, конечно, были высказаны, но в целом позитивно все к этому отнеслись, в том числе и Ильенков, который был еще жив тогда. Я в чем-то отошел от него к этому времени (я говорил об этом), но принципиальные его идеи продолжал разделять. Я и до сих пор я считаю эти идеи очень плодотворными: понимание им идеального, деятельности и так далее. Одна из коронных его идей, за которую его тоже ругали и которую, по-моему, превратно понимали (не только его критики, но и люди, которые ему симпатизировали) — то, что он назвал в гегелевском духе «идеей тождества бытия и мышления». В действительности дело тут не столько в тождестве, как в том, как понимать взаимоотношения мышления, человеческой субъективности и того, что вне мышления, объективности. Существует идущее от Декарта противопоставление мира внутреннего и мира внешнего, дуализм, принятие которого повлияло на всю судьбу европейской философии. И Ильенков пытался снять этот дуализм особым способом, апеллируя к наследию Канта, а больше всего к наследию Гегеля. Я считаю до сих пор, что у Ильенкова был очень плодотворный ход в решении этой вековой проблемы и до сих пор он имеет большой смысл. Отступаю от рассказов о прошлом и обращаюсь к тому, что сейчас обсуждается в философии и науке. Я считаю: то, что сейчас происходит в развитии философии сознания и когнитивных наук, дает аргументы в пользу того решения, которое предлагал Ильенков. Но, тем не менее, в понимании каких-то сюжетов теории познания я отошел от Ильенкова. И он это понимал. Тем не менее, когда обсуждали мою работу на секторе, Ильенков очень позитивно к ней отнесся.

А один наш сотрудник (не хочу сейчас его называть, дело уже прошлое, к тому же он у нас был временно, был прикомандирован к нам на какое-то время), как я потом узнал, пошел в дирекцию (а тогда

был директором Украинцев) и сказал: «Вот у Лекторского в диссертации, очень мало ссылок на классиков марксизма». Их там действительно было мало. «Это вообще-то какая-то крамола». Я ссылки делал только тогда, когда считал, что они уместны: например, Маркса можно делать ссылки в некоторых случаях, потому что есть какие-то высказывания у Маркса, которые соответствуют тому, что я говорю, а делать ссылки чисто ритуальные я считал ненужным. И тем более, конечно, в диссертации не было ссылок на решения съездов КПСС. И тем не менее, я успешно защитил докторскую диссертацию в 1978 году.

Е.Т.: А Украинцев как-то отреагировал на этот донос?

В.Л.: Нет, он, к счастью, никак не реагировал. Я знаю, что в дирекции читали мою диссертацию. Но каким-то образом мне не помешали защититься, я до сих пор не знаю, что там произошло, но моя защита прошла спокойно и хорошо. Оппонентами у меня были уважаемые люди. Первым был Богомолов Алексей Сергеевич, известный профессор философского факультета МГУ, занимался он историей западной философии, но хорошо знал все вещи, связанные с теорией познания. Я его знал хорошо, потому что мы с ним когда-то учились в одной группе, он старше был нас на 6 лет, из армии пришел на факультет, но учились мы вместе. Второй оппонент — Коршунов Анатолий Михайлович (он и сейчас жив), был тогда заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов МГУ. И третьим был Василий Васильевич Давыдов, известный психолог, о котором я уже рассказывал.

Через год после защиты вышла книжка, потом ее перевели во многих странах. В 1979 году появился в Москве Михаил Отте из Западной Германии, который, оказывается, как я потом узнал, был, в каком-то смысле поклонником моей первой книжки. В эти годы он был директором института по преподаванию математики в городе Билефельд в Западной Германии. Он приехал сюда в 1974 году на международный Гегелевский конгресс — ко мне подошел и сказал, что специально приехал, чтобы со мной познакомиться. Он читал мою первую книжку. Когда моя вторая книжка вышла, я подарил ему эту книгу, и он организовал перевод и издание в Западной Германии. Где-то в 1981 году эта книга вышла во Франкфурте. Тогда в те годы мало наших книг издавали в странах Запада. Потом мне рассказывал Теодор Ильич Ойзерман, что где-то спустя четыре года он был в Билефельде, там преподавал философ Зандкюлер, у него был семинар, и на этом семинаре студенты-немцы изучали мою книжку. Перевели ее в Чехословакии, перевели в Болгарии, потом года два спустя перевели ее в Москве на английский язык в издательстве «Прогресс». Было такое хорошее издательство, они переводили многое, и моя книжка как-то на Запад попала. Потом сам я спустя какое-то время начал ездить, кому-то дарил свою книгу. Так что ее стали читать разные люди, в том числе и известные. И в целом оценили положительно. К ней положительно отнесся, в частности, Ром Харре, известнейший английский философ и психолог, с которым где-то в эти годы я познакомился.

Е.Т.: Когда он в Оксфорде работал?

В.Л.: Да, он в Оксфорде работал. Сейчас я немножко вперед забегу и расскажу, как мы с Ниной Юлиной в 1985 году ездили в Оксфорд, по приглашению Харре. Мы еще в Кембридже побывали перед этим два или три дня, потом были в Оксфорде, выступали с докладами. Харре тоже мою книжку читал, был вполне положительного мнения о ней, я с ним потом много раз встречался и до сих пор я с ним письмами обмениваюсь. В этом году даже мы переписывались. Сейчас ему, наверное, лет 86. Он преподавал в Оксфорде всю жизнь, а последние лет 10—15 он, когда в Оксфорде вышел на пенсию (там же рано на пенсию уходят профессора), начал преподавать в течение одного семестра в Америке, в Джорджтаунском университете — это где-то в Вашингтоне, по-моему. А в Оксфорде мы с Ниной Юлиной его посещали в 1985 году, были дома у него, и жену я его знаю, и дочку.

Е.Т.: Он же сам из Новой Зеландии родом?

В.Л.: Сам он из Новой Зеландии, потом учился чуть ли не в Индии, в разных местах побывал. А потом осел в Англии и всю оставшуюся жизнь был в Англии. Он сам по первому образованию физик, потом получил философское образование уже в Оксфорде. И он занимался философией и свою философию он связывает с анализом науки (первоначально — физики), у него есть общие работы по философии науки и есть работы по философии психологии. При этом что касается психологии, он не просто философ, изучающий

психологию, он настолько глубоко в психологию вник, по крайней мере в социальную психологию, что стал основателем собственной оригинальной теории в социальной психологии. В социальной психологии возникла целая школа; люди выросли из работ Харре, [это] социально-конструктивистский подход к пониманию социальной психологии. У него есть ряд известных учеников: например Шоттер, другой известный социальный психолог — Герген, может быть, не его ученик, но где-то он с ним близко соприкасается. А наши специалисты по социальной психологии, например Галина Михайловна Андреева, которая в течение многих лет была заведующей кафедрой социальной психологии на психологическом факультете МГУ и написала немало книг на эту тему, считает, что современная зарубежная социальная психология знает только двух главных теоретиков: один — это Тэшфел, а второй — Харре. Я читал многие его работы. Они интересны и до сих пор имеют большой резонанс. Когда мы были с Ниной в 1985 в Англии, Харре представлял нас и эту мою книжку показывал. Известный американский эпистемолог, Голдман тоже читал мою книжку и хорошо о ней отзывался. Роберт Коэн тоже читал мою книжку и даже пропагандировал ее. Когда я в Китай впервые приехал в 1988 году, китайские философы мне сказали, что до этого у них выступал Роберт Коэн, и он тоже хорошо о моей книге отзывался, мою книжку китайцам показывал. То есть моя книга получила некоторую известность.

О смене директоров в Институте философии

Е.Т.: У меня возник вопрос такой, вы говорите достаточно много о смене директоров и как это отражалось на жизни института, а в то время директора назначались, избирались? Как это происходило? Почему приходили новые?

В.Л.: Да, директора тогда назначались, назначались они ЦК КПСС. Сейчас более демократическая система. Одно время, в начале 1990-х годов, даже казалось, что чуть ли не коллектив должен выбирать директора, сейчас это несколько иначе выглядит: сотрудники коллектива голосуют тайным образом, высказывают свое отношение к тому, что им кто-то предлагает. А предлагает обычно Президиум Академии наук. Допустим, есть две кандидатуры. Коллектив голосует, в результате этого оказывается, что путем тайного голосования коллектив выражает свою поддержку одному кандидату больше, чем другому, один много голосов получил, другой гораздо меньше. И, казалось бы, если мнение коллектива решающее, то президиуму Академии наук ничего другого не остается, как согласиться с этим мнением. А процедура сейчас такая: сначала коллектив голосует, потом результат голосования выносится на решение Бюро соответствующего отделения, потом собирается общее собрание этого отделения, куда входят академики и члены-корреспонденты по данному отделению. Но окончательно решает Президиум РАН. И вот в одном из институтов нашего отделения общественных наук недавно возникла такая ситуация.

” Старый директор ушел, было две кандидатуры на пост нового директора, коллектив института высказался в пользу одной из кандидатур, а потом бюро отделения этот вопрос обсуждало, и члены бюро решили, что коллектив был неправ, надо поправить коллектив.

Ведь большинство может иногда заблуждаться, не обязательно оно будет правым всегда. Рекомендовали на бюро другого директора. Потом этот вопрос вынесли на решение общего собрания отделения, куда входят члены РАН по экономике, социологии, философии, психологии и праву. И на отделении все это долго обсуждали, были разные мнения, потом тайное голосование. И тайным голосованием общее собрание отделения высказалось в пользу того человека, который получил меньше голосов в коллективе института (то есть мнение отделения совпало с мнением бюро). Потом это было вынесено на заседание Президиума Академии наук. Президиум утвердил решение собрания отделения. То есть не согласился с коллективом. Потом, правда, в коллективе была проведена работа, сотрудники института голосовали еще раз. И тогда члены коллектива института согласились, что решение отделения, а потом Президиума

РАН было умным. Ну, конечно, мы демократы и считаем, что — большинство всегда право. А я вспоминаю, что классик современной философии по фамилии Поппер написал статью, которая называется «Пять предрассудков общественного мнения» (она на русском языке, по-моему, отсутствует). И он приводит примеры, когда большинством голосов, то есть в соответствии с общественным мнением неправильные принимались решения. Общественное мнение иногда поддерживало даже такие решения, которые потом оказались катастрофическими. Поппер из этого не делает вывод о том, что диктатура — лучший способ управления, чем демократия — он считает, что лучше демократии как способа политического устройства ничего не изобрели. Его идея иная: он считает, что дело не просто в голосовании, потому что перед голосованием можно на людей воздействовать с помощью разных способов, в том числе таких, которые мешают принятию разумных решений. Сознанием людей можно манипулировать. У него идея другая (это коренная идея всей его философии): нужна критическая дискуссия. Нужно обсуждать предлагаемые решения, аргументы приводить за и против. Не просто воздействовать на психику людей разными способами, выкрикивать лозунги, толпу за собой вести, а нужно критически обсуждать то, что вам предлагают. Другое дело, насколько эта рекомендация Поппера практически выполнима: все это хорошо в идеале, а на практике очень трудно организовать критическую дискуссию, и многие люди не способны к такой дискуссии.

” А тогда, в советские годы, все было совсем иначе: никто никого не спрашивал, все в рамках ЦК решалось, там кандидатуру директора обсуждали в отделе науки и потом кого-то предлагали.

Так, нам не предлагали на пост директора нашего института сначала сначала Федосеева, потом Константинова никто не их предлагал, их просто назначали и все.

Е.Т.: А директора обязательно были философами, или не обязательно?

В.Л.: Философы были всегда, это соблюдалось. Как я говорил Копинин был недолго нашим директором: его затравили. Потом был Кедров меньше года директором, его тоже из ЦК предложили, но также ЦК его и снял, не дав ему развернуться. А потом назначили Украинцева: он до этого работал в отделе науки ЦК, его там знали, и ему дали такое поручение: в Институте философии гнездо ревизионизма, нужно провести там чистку, ему дали такой карт-бланш. Он такой чисткой и занимался, как я уже рассказывал. Когда Украинцев через девять лет ушел (он был девять лет директором, и, конечно, то, что он был так долго — с 1974 по 1982 год — это трагическая ситуация). И мы выступали против Украинцева на партийном собрании: я выступил, Ильенков выступил, Евгений Петрович Никитин из нашего сектора. Украинцев, видимо не ожидал этого. А мне объявили в 1974 году выговор за то, что уехал мой заместитель Дынин. Прошло два года, 1976 год, я говорю: «Пора снимать его, выговор, два года прошло, сколько можно?» И подал я заявление в Партбюро, чтобы сняли выговор. Все-таки мне сняли выговор, хотя Украинцев сказал: «Не знаю, нужно ли ему выговор снимать».

” Но это было было в последней части партсобрания, а на предыдущей части мы выступили против директора и сказали: «Что вы делаете с нашим сектором? Работать не даете!»

Я, Ильенков и Никитин выступили, и потом мне нужно было снимать выговор на второй части собрания. Украинцев был недоволен этим, но все равно выговор сняли с меня, слава богу. Вот такая [история] с этими жалобами в наше отделение, там Егоров был нашим академиком-секретарем. Все было без толку. 1979 год, январь 1979 года, Украинцев директором был с 1972 года. Его должны были переизбрать на новый срок. И вот Ильенков пошел в бюро отделения выступить против. Было ощущение, что есть какая-то стена непрошибаемая, что никакие аргументы ни на кого не действуют. Ильенкова не печатают, все его попытки до кого-то достучаться, кому-то объяснить не работают, а ведь Ильенков себя считал

марксистом, он верил в это. На него это все страшно подействовало, и кончилось все тем, что он покончил с жизнью. Ему было всего 55 лет.

Е.Т.: В каком году это произошло?

В.Л.: В 1979 году. В феврале 1979 года это произошло. Конечно, ему бы еще немножко подождать, потому что в 1982 году Украинцева все-таки убрали с поста директора, пришел Георгий Лукич Смирнов из отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС, он работал в этом отделе довольно долго, был первый заместитель заведующего отделом. А поскольку там в течение многих лет не было заведующего, он практически руководил работой всего отдела. И он вел себя очень достойно и, как я знаю, поддерживал наших социологов, Грушина в частности, каких-то других людей. В общем, о нем было хорошее мнение у наших философов и социологов. Его приход в институт в 1982 году был, конечно, событием положительным. Он у нас был директором года три, наверное, до 1985 года... Потом стал у нас директором Лапин Николай Иванович, который до сих пор работает в институте. Он был года два примерно директором. А в начале 1988 года директором стал Степин Вячеслав Семенович, который был довольно долго директором, лет 18.

Е.Т.: Он самый, по-моему, «долгоиграющий» директор, да, мне кажется?

В.Л.: Степин из всех тех, кто был директором института, конечно, рекордсмен. При этом был он директором в сложный период — шла перестройка. Я к этому перейду попозже. А пока вернусь во время тяжелое, застойное, безоблачное. И тем не менее именно в эти годы я мою вторую книжку издал, защитил докторскую диссертацию, мою книжку перевели на разные языки. Позже, уже в 1993 году ее перевели и в Турции. Выглядело это довольно странно. В 1993 году я получаю из Турции мою книжку на турецком языке и письмо: «Уважаемый профессор Лекторский, вашу книжку мы перевели». Турки ко мне до этого не обращались, никаких авторских прав [у меня никто не покупал]. Ну, я думаю, перевели и ладно, пусть читают мою книжку в Турции. А когда в 2003 году в Стамбуле был Всемирный философский конгресс, в котором участвовал, ко мне подходили турки, которые читали мою книжку, и переводчик подходил. Потом там был банкет, мы сидели рядом с моим переводчиком, и я с ним общался много лет спустя после выхода моей книги в Турции.

Работа в журнале «Вопросы философии»

При Георгии Лукиче в институте было уже хорошо, хотя время уже не брежневское было, но и не горбачевское еще. Такой был эпизод интересный в это время. Как я уже сказал, я много лет был в редколлегии журнала «Вопросы философии», меня взял туда Иван Тимофеевич Фролов. В 1977 году Иван Тимофеевич уехал в Прагу работать, в журнал «Проблемы мира и социализма», там года два поработал. Потом из Праги он вернулся в Москву. Ему дали возглавить Совет Академии наук СССР по социальным и философским проблемам науки и техники. Семенов стал главным редактором журнала «Вопросы философии», сразу после ухода Фролова с этого поста. Но я оставался в журнале «Вопросы философии» в качестве члена редколлегии и заведующего отделом. А заместителем главного редактора в это время был Андрей Филиппович Полторацкий, философ, который когда-то работал в журнале «Коммунист», а потом стал заместителем главного редактора «Вопросов философии» (его взял на эту должность еще Фролов). Человек он умный, знающий журнальное дело, понимавший, что можно публиковать, что — нельзя, следил за этим тщательно. И вот вдруг в 1983 году разразился скандал. Дело в том, что незадолго до этого в журнале был[и] опубликован[ы материалы] кругл[ого] стол[а] под названием «Философия и литература», в котором участвовали разные люди, в том числе и Мераб Константинович Мамардашвили, который к этому времени уже из Москвы в Тбилиси вернулся. Он долгие годы жил в Москве и при Фролове был его заместителем по журналу. Я уже о нем рассказывал, был он когда-то учеником Зиновьева, потом какой-то свой путь в философии изобрел, пытаюсь, как я считаю, соединить что-то от марксизма взятое с экзистенциализмом и феноменологией. Все его работы последние, по-моему, так могут быть интерпретированы. Но не в этом дело. Он участвовал в этом круглом столе и как всегда очень замысловато выражался.

Когда Мераб Константинович читал лекции, не всегда было ясно, что он хочет сказать, то есть всем ясно, что это страшно интересно, а вот что именно? Вот это уже сложнее сказать.

Помню, как он выступал с одной лекцией у нас в институте, народу было много, всегда толпы ходили на его лекции, битком были набиты аудитории, это было что-то оригинальное, неортодоксальное, нетривиальное, выход за привычные трафареты, тем более в эти годы было совершенно непривычно в духе феноменологии и экзистенциализма изъясняться, это еще был 1982 год. Годы, так сказать, застоя, как их у нас сейчас именуют. Какое-то выступление Мераба на этом круглом столе было опубликовано, и как-то так туманно он, как всегда, выражался. А потом, где-то в эти же годы, когда Семенов был главным редактором журнала, вышла публикация Бутенко — был такой философ, который занимался социальной философией и работал в Институте экономики стран социализма, они там изучали экономику социалистических стран — Польши, Болгарии, Чехословакии и других... И там была группа людей, которые занимались анализом социальных процессов, не экономических, а именно социальных, в том числе и Бутенко. И он дал статью в «Вопросы философии», которая была опубликована. У нас тогда специалисты по социальной философии различали социальные противоречия двух типов: антагонистические и неантагонистические. Антагонистические — это когда классовый конфликт возникает, при этом либо одна сторона победит, либо другая, идет борьба не на жизнь, а на смерть. А противоречия неантагонистические всегда возникают в развитии, они могут быть как-то сняты, разрешены разными путями, более или менее мирными. И вот в этой статье Бутенко, которая была опубликована в журнале «Вопросы философии» где-то году в 1982-м или начале 1983 года, содержалось положение о том, что антагонистические противоречия могут быть не только при капитализме, но и при социализме. Это положение было крамольным по тем временам. И вот какой-то доброжелатель взял журнал «Вопросы философии», эти две статьи — статью Бутенко и текст Мамардашвили в круглом столе — подчеркнул в этих текстах кое-что и послал в ЦК КПСС секретарю ЦК по идеологии. А тогда этим был Зимянин, в общем человек довольно умный, разумный, но ему показалось, что так писать все же нельзя, что «Вопросы философии» нарушили какие-то правила, которые надо соблюдать при публикациях. Публикации могут быть разные (и тогда это допускалось), но тут авторы вышли за пределы допустимого, с его точки зрения. Чтобы из этой ситуации как-то выйти, поручили Институту философии на заседании ученого совета обсудить работу журнала и обратить особое внимание на эти две публикации. Тогда Георгий Лукич Смирнов был директором института, и он должен был выполнять это указание ЦК, это не его была инициатива. Я помню, как этот совет проходил, а я уже был и членом этого совета, будучи заведующим сектором, и к тому же был членом редколлегии журнала, я в двух качествах должен был быть на этом заседании. Выступил Семенов, как обычно в этих случаях полагается, он сказал, что журнал допустил ошибки, будем их исправлять. И никто не был настроен против журнала, особенно Георгий Лукич, о котором я всегда был положительного мнения, еще раз хочу это подчеркнуть, он себя вел очень достойно, никаких гадостей никому не делал, наоборот пытался поддержать все то, что было интересно в институте. Семенов слегка покаялся. А там уже и резолюция была подготовлена о том, что некоторых публикациях такие-то места были ошибочными, что журнал будет исправлять ситуацию и так далее, в общем какие-то общие слова были написаны, которые в таких случаях принято было писать. И вдруг слово просит Полторацкий, заместитель главного редактора журнала, как я сказал, сверхосторожный человек. И он говорит: «Да что вы, какие ошибки? Никаких ошибок не было, что за чепуху вы там в резолюции пытаетесь записать?» И все ошалели: дурак он что ли, не понимает ситуацию? И вот тогда кто-то из членов совета сказал: «Предлагаю дополнить резолюцию пунктом о недопустимом поведении товарища Полторацкого». (*Смеется.*) И дополнили этим пунктом и приняли резолюцию.

Никто не понимает, что происходит: Полторацкий с ума сошел что ли? Он никогда так себя до этого не вел.

Проходит два дня, Полторацкого нет, приходит кто-то из семьи Полторацкого, по-моему, дочь. И приносит бумагу, заявление на имя Семенова: «Прошу освободить меня от обязанностей заместителя главного редактора». Ну, Семенов подписал, освободили, Полторацкий исчез куда-то. Проходит еще месяца полтора, Полторацкого нигде нет, а он же член партии, а взносы партийные нужно платить. Он же не платил почти два месяца взносы, могут из партии исключить за это дело. Звонят ему домой: «Где Андрей Филиппович? Почему он взносы не платил?» — «Да его нет, он где-то за городом». — «Так скажите ему, что если взносы не заплатит, это все плохо может кончиться, могут его из партии исключить». — «Хорошо, мы ему передадим». Проходит еще два дня, опять приходит дочка его к Семенову, приносит бумагу от Полторацкого в партийную организацию журнала: «Прошу считать меня выбывшим из рядов КПСС». Никто не мог понять. Возможно, Семенов и знал что-то, все-таки главный редактор. Мы не знали ничего, но потом, через какое-то время узнали, в чем дело. Оказывается, Полторацкий уехал в Загорск, тогда так он назывался, и поступил в духовную семинарию Троице-Сергиевской лавры, поэтому плевать ему было на все остальное — на работу, на членство в партии. Тем более быть учеником духовной семинарии и быть членом КПСС как-то странно. Он был верующий человек, мы догадывались, что он верующий человек. Он потом кончил духовную семинарию, где-то у него был приход в Средней Азии, а потом в Москве был приход. Иногда время от времени появлялся в Москве, я его видел. У меня с ним были хорошие отношения. Когда умер наш друг, известный логик Володя Смирнов, в 1996 году и мы хоронили его на Хованском кладбище, был холод дикий, пришел Андрей Полторацкий, облачился на кладбище и отслужил молебен. А потом мы поехали в Институт философии на поминки и там Полторацкий как священное лицо, отец Андрей, речи произносил как служитель культа.

О религиозности советского времени

А вот вообще о религиозности в те годы. У нас философия при всех сложностях в целом в 50-е и 60-е годы развивалась по восходящей линии, особенно после XX съезда. При всех сложностях, которые были в те годы с публикациями у многих людей, не только у Ильенкова, но и у других. Но все же какие-то были надежды на то, что ситуация, которая многих из нас не устраивала, лучше станет. Надежда на лучшее будущее. И огромный удар по этим надеждам был нанесен в 1968 году, когда наши войска вошли в Чехословакию. До этого там была «пражская весна», считалось, что это была возможность показать, каким может быть социализм «с человеческим лицом». И когда это человеческое лицо раздавили, многие люди отошли вообще от того понимания философии, которое было нам до этого свойственно. Раньше мы связывали философию с анализом мышления, науки. И даже такая была идея, что поскольку без научно-технической революции современное общество не может обойтись, то эта НТР неминуемо должна привести к демократизации общественных отношений, ведь, чтобы наукой заниматься, нужно быть человеком ответственным, самостоятельной личностью. Вот на это и были главные надежды. А когда все попытки демократизации раздавили в Чехословакии, многие пришли к выводу, что на науку нельзя возлагать надежды на перемены к лучшему, что это просто наивно. И вот ряд людей, и в том числе, бывших рьяных сторонников Эвальда Ильенкова, от этих идей стали отходить. При этом некоторые обратились в сторону религии. Я в качестве одного из ярких представителей этого поворота назову Генриха Батищева, который был когда-то учеником Ильенкова, первые работы его в деятельностном духе написаны, в духе раннего Маркса. По-моему, одни из лучших работ у нас в этом духе. А потом он стал религиозным мыслителем. У нас в секторе, кроме Батищева, Трубников Николай Николаевич тоже пошел по этой линии. Поэтому то, что Полторацкий тоже туда двинулся, это как бы было не совсем случайно. Многие стали ходить на лекции Аверинцева Сергея Сергеевича, тоже известного филолога и философа, тоже религиозного человека. Это такое было умонастроение в поздние 1980-е годы, до начала перестройки. Во время перестройки в этом отношении что-то стало меняться.

Е.Т.: Видимо, разочарование в бывших идеалах?

В.Л.: Да, возникло новое умонастроение: надеяться на то, что в этой жизни нашей социальной что-то можно изменить к лучшему, бессмысленно. Поэтому люди куда-то уходили от науки, от рациональности, поиски какие-то шли. А в других направлениях Андрей Кураев, который кончил философский факультет

МГУ, был в аспирантуре нашего института, тоже подался в религию. Когда был студентом, он изучал религию на кафедре религии и атеизма философского факультета МГУ.

Как это часто бывает, когда человек что-то изучает с целью критики, он иногда невольно попадает под обаяние критикуемого объекта и начинает становиться сторонником тех идей, которые он первоначально собирался критиковать.

И Кураев как-то постепенно к религии пришел. Он тоже уехал в Загорск, поступил в духовную семинарию, кончил ее, потом он кончил также духовную Академию, частично в Загорске, а частично — в Румынии. И потом он в Москву приехал, сейчас один из таких интереснейших православных публицистов наших. Он пишет хорошо, он образованный человек, открытый, знает литературу, Цветаеву цитирует Мандельштама и знает философию, он философски образованный человек. Андрей Кураев сын моих друзей, потому что его отец, Вячеслав Иванович Кураев, работал в нашем секторе, потом ушел в журнал «Вопросы философии», и мы были друзьями с ним всю жизнь, а мать его работала у нас в секторе тоже до самой своей смерти. Поэтому это люди мне близкие.

Е.Т.: А семья была религиозная у Кураева?

В.Л.: Они сначала не были религиозными, но потом они стали религиозными. Я думаю, под влиянием сына. Не был сначала Слава (отец Андрея) религиозным, насколько я это представляю себе. Но когда сын глубоко в религию погрузился и ушел в этот мир, в эту сферу, он их за собой постепенно перетянул. Вячеслав Иванович умер год тому назад, даже меньше года, мы с Люсей ездили в церковь, где отпевали его. И там служил молебен Андрей, конечно.

Вот такое движение в сторону религии возникло в эти годы и еще каких-то людей вовлекло из философов, не буду всех называть. Ну назову еще одного хотя бы — это Юрий Николаевич Давыдов, который тоже был учеником Ильенкова, был гегельянцем. Он тоже пошел в этом же направлении. Он и философ, и социолог, очень интересный, яркий. Работал в последние годы жизни в Институте социологии Российской Академии наук.

Не хочу сказать, что все известные философы пошли в этом направлении. Мамардашвили верующим не стал, но он тоже отошел от своего марксизма былого, а он был раньше марксистом, хотя и понимал [его] очень по-своему. Он соединил по-своему понятый марксизм с экзистенциализмом, феноменологией, еще с чем-то.

Ильенков решительно противостоял этому движению в сторону религии и порвал с теми своими друзьями, которые пошли по этому пути. Последние годы его жизни были очень тяжелыми по двум причинам. Во-первых, как я уже сказал, идеологическая травля его не прекращалась, а даже усиливалась. В последние годы его жизни в Институте философии его не публиковали. Директор института Украинцев, когда умер Ильенков (я к нему пришел после смерти Ильенкова и сказал, что хоть сейчас давайте опубликуем Ильенкова, в частности, статью о проблеме идеального), сказал: «Пока я нахожусь на посту директора института, ни одна работа Ильенкова не будет опубликована». Вот такое заявление. То есть травля была дикая. Конечно, это на Ильенкова не действовало. Он в отличие от других людей, — в том числе ряда своих прошлых друзей остался марксистом, он не был за капитализм, конечно, никоим образом.

О смерти Эвальда Ильенкова

Е.Т.: А ведь о смерти Ильенкова, официально о самоубийстве не объявляли в те годы?

В.Л.: Нет, не объявляли, это было, так сказать, не то чтобы запрещено, но рекомендовалось не говорить

об этом. Даже я, когда он умер, не сразу узнал о том, что он с собой покончил, хотя я был одним из тех, кто организовывал похороны, панихиду. Пришли сотни людей. У нас в институте был большой актовъ зал на втором этаже, он был в два раза больше, чем сейчас (его сократили в постсоветские годы). И вот весь этот зал был битком набит, люди не помещались в зале. И вдруг уже после похорон через какое-то время мне звонит один человек сверху, не хочу называть его, и говорит: «Вы там не распространяйте мнение о том, что Ильенков с собой покончил». Я до этого не знал о самоубийстве Ильенкова, то есть этот начальник мне выдал тайну. Как в одном из рассказов Чехова герой всем говорил: «Меня дураком не надо считать».

„ «Хватит нам одного Есенина» — сказал мне начальник по телефону в связи с самоубийством Ильенкова. «Нам не нужен второй Есенин».

Я не знаю всех мотивов того, что сделал Ильенков, что на это его подвигло, но думаю, что повлияла та дикая травля конечно, когда он в изоляции практически себя чувствовал. Но изоляция шла не только со стороны официальных идеологов, которые не давали хода ему, она была связана и с другим обстоятельством: многие его бывшие близкие друзья и даже ученики, от него отошли, пошли в другую сторону. В этой связи я бы назвал еще Арсеньева, он был один из особенно ярких людей, близких к Ильенкову. Он тоже стал религиозным человеком, начал читать Бердяева, Владимира Соловьева. А Ильенков это все не принимал решительно до самой смерти. Он остался на этих позициях своих рационализма классического, с Гегелем связанного. Таким образом, изоляция, в которую в конце жизни попал Ильенков, шла также и от его бывших близких друзей.

Какие-то работы, которые Эвальд в конце жизни писал, например «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма» (это попытка интерпретации работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»), многими его друзьями не была понята и принята, потому что многие считали, что книга «Материализм и эмпириокритицизм» — не лучшая работа Ленина, слишком уж примитивно она написана. И он никогда раньше не опирался на «Материализм и эмпириокритицизм», а больше на ленинские «Философские тетради». В этой связи я вспоминаю, что, когда Ильенков и Коровиков написали свои знаменитые «Тезисы», о которых я уже рассказывал, и которые обсуждались на Ученом совете философского факультета МГУ, выступил Арсеньев, который тогда работал в Институте философии, и сказал критиком: «А что вы ссылаетесь на работу „Материализм и эмпириокритицизм“, это же незрелая работа ленинская, Ленин гораздо был более зрелым в „Философских тетрадях“, где он написал, что ни один марксист до сих пор не понял „Капитал“, потому что не читал Гегеля?» А тогда, видимо, Ленин имел в виду и самого себя, потому что работа «Материализм и эмпириокритицизм» издана в 1909 году, а «Философские тетради» писались уже во время Первой мировой войны. «А отражение — вообще неудачный термин», — сказал Арсеньев, и это говорилось в 1954 году, даже до XX съезда партии. И Ильенков тогда, видимо, был близок к этому мнению, потому что он, как я сказал, писал не столько об отторжении, сколько о тождестве бытия и мышления, а отражение и тождество мышления и бытия — не одно и то же. В общем, последний период жизни Ильенкова был тяжелым для него в духовном смысле.

„ Видимо, он не видел больших возможностей для дальнейшей работы, ему могло казаться, что вокруг него некое кольцо сомкнулось.

Я думаю, он не усомнился в марксизме и не усомнился в социализме, потому что слухи до меня доходили, что он перед смертью написал письмо в ЦК КПСС, где как-то изложил какие-то свои претензии к тому, что было тогда в нашей стране. Он не отказывался от марксизма и социализма, он не мог отказаться от социализма, ибо это значило — отказаться от самого себя. Он по этому пути не мог идти и не шел. Он считал, что то, что творилось в это время в стране — это предательство и социализма, и марксизма. Эти люди, которые имели власть, не имели ничего общего с марксизмом. В самом деле, такое мнение у меня и тогда было, и сейчас оно есть: для этих людей, у которых была власть тогда в нашей стране,

для них как раз убежденные марксисты были опаснее, чем немарксисты, которые никого не трогали.

Новая полоса в жизни философии

Я дошел до 1985 года, до перестройки, когда началась некая новая полоса в нашей жизни, в нашей философии, и для меня новая полоса началась, потому что в Институт философии пришли новые директора, а сам я стал главным редактором журнала «Вопросы философии».

Подведу некоторые итоги сказанного. Конечно, в те годы, о которых я рассказывал, было не только много неприятного. Было много и интересного. Публиковаться было сложно, зато мы много обсуждали, у нас были интереснейшие дискуссии и в нашем секторе, и помимо нашего сектора, мы ходили на лекции Мамардашвили, на лекции Аверинцева, Вячеслав Иванов пользовался популярностью. Философы взаимодействовали с учеными, с широкой публикой.

Е.Т.: А с вашими публикациями, насколько я понимаю, за исключением той публикации, когда на вас «настучали», проблем не было?

В.Л.: Нет, не было, к счастью. Первую книгу я выпустил в издательстве «Высшей школы». Заведующим философской редакции был Юрий Мефодиевич Бородай, первый муж Пиамы Павловны Гайденко. Мы были знакомы очень хорошо, и он делал все, чтобы книгу быстро и хорошо издать. А вторая книжка в издательстве «Наука» издавалась, и она довольно неплохо прошла, а там был Могилев заведующим философской редакции, про него можно отдельно рассказывать, целая история. Он учился со мной на одном курсе, фронтовик, прошел всю войну, потом после войны где-то работал на стройке, а потом поступил на факультет, учился вместе с нами, был партогом нашего сектора, сталинским стипендиатом, все хорошо шло. В 1955 году, когда мы кончали факультет, на меня и многих других обрушилась лавина, связанная с работой комиссии ЦК КПСС по проверке факультета, поскольку у нас заподозрили многих студентов в том, что мы подпали под влияние ревизионистов Ильенкова, Коровикова и других людей. А независимо от этого на факультете происходили и другие события. Где-то в марте 1955 года Маленкова сняли с поста премьер-министра, он был премьер-министром, или председателем Совета министров, тогда так называлось в СССР. Хрущев это все организовал: в чем-то обвинили Маленкова. А Маленков был в те годы очень популярной личностью. И на факультете было партийное собрание закрытое, на которое пришел секретарь райкома партии и рассказал о решении Пленума ЦК КПСС, и тогда три коммуниста встали и сказали: «Мы не можем понять решение Пленума, объясните нам его, вы же нам не объяснили». И тогда секретарь райкома сказал: «Ах, вы не поняли? Исключить всех из партии». А один из этих трех был Андрей Могилев, наш коммунист, фронтовик, популярная личность, сталинский стипендиат, и вот его исключили из партии. А у него трое детей, жена. Идут государственные экзамены, ему ставят двойки по всем предметам. Он факультет как бы не кончил, никуда не может устроиться на работу, а быть исключенным из партии в те годы, это значило все: это быть и безработным, и вообще не человеком, может быть, лучше умереть даже. И Могилев тогда нашел такой выход: он пошел в городской комитет партии, тогда секретарем московского горкома партии была Фурцева, которая, оказывается, знала Могилева еще до того, как он поступил на философский факультет, он был каким-то бригадиром строителей московских, и очень хорошо работал, какие-то получал премии, вроде стахановцем был. И вот он пошел к Фурцевой с просьбой помочь ему, и она его вспомнила и дала указание в партии восстановить и вынести ему строгий выговор с занесением в личное дело, госэкзамены он все-таки сдал потом, но для исправления его отправили в качестве строителя, вернее, возглавляющего строительство московского кинотеатра «Стрела», который до сих пор существует. Он возглавлял это строительство, а потом, когда кинотеатр открылся, он какое-то время был директором этого кинотеатра. Вот так он исправлялся. Но потом время шло, ему сняли все взыскания, выговора, взяли работать в министерство высшего образования, он там заведовал каким-то отделом, а потом взяли в «Политиздат» заведующим философской редакцией. Так что Андрей Иванович Могилев стал, так сказать, возвышаться, человек он был деятельный и умеющий организовывать все, что ему поручено. Он был очень популярен в «Политиздате». А потом уже его на следующем этапе перевели работать в издательство «Наука»

заведующим философской редакции. Вот этот Андрей Могилев, которого я знал, поскольку с ним вместе учился, с таким послужным списком, с такой интересной историей, вот он-то как раз, когда книгу издавали, всячески меня поддерживал, помогал. Довольно быстро издали книгу, там был хороший редактор.

Е.Т.: «Политиздат» вообще хорошее издательство и «Наука». Ну, «Наука» понятно, бесспорно.

В.Л.: Те, кто знали Могилева, о нем очень хорошего мнения и как о человеке, и как о редакторе. Поэтому в этом смысле у меня проблем не было. Кроме того, что я уже рассказывал, нашу коллективную книжку зарубили на ученом совете института из-за статьи Ильенкова. Когда Ильенков умер, эту статью мы отнесли в журнал «Вопросы философии», где главным редактором был Вадим Сергеевич Семенов, и с моей подачи, при поддержке Семенова (что очень важно, он взял на себя эту ответственность) в двух номерах статья Ильенкова была опубликована в 1979 году. В Институте философии не хотели ничего публиковать из Ильенкова, тогда Украинцев еще продолжал быть директором, а в журнале знаменитая статья Эвальда Васильевича была опубликована и имела большой резонанс. Потом уже стали книжки Ильенкова издавать. Когда умер Эвальд Васильевич, я организовал «Ильенковские чтения», которые мы проводили ежегодно в помещении Института философии, хотя это неофициально было. Официально директор нам ни за что не разрешал. А сейчас «Ильенковские чтения» продолжаются, ребята молодые проводят эти «Чтения» в разных местах. Они проводили их одно время в Зеленограде, потом делали на базе РГГУ, в других местах. Каждый год продолжаются. На «Чтения» приходили интересные люди, помню выступление на одних из «Чтений» нашего известного философа Библера (который в чем-то был близок Ильенкову, а в чем-то с ним расходился). Библер тогда сказал: «Достоевский сказал, что все мы вышли из „Шинели“ Гоголя, а все мы, отечественные философы, вышли из Ильенковской шинели». Ильенкова стали издавать уже в начале 1980-х, его много переводили на Западе. Через несколько лет появился Дэвид Бэксхерст, приехавший из Англии, он тогда был аспирантом в Оксфорде.

Е.Т.: В 1983 году он был?

В.Л.: Где-то тогда он появился. Я с ним тогда познакомился и с тех пор регулярно встречаюсь. Он был в Институте психологии у Василия Васильевича Давыдова, когда тот был директором этого института. Потом он был стажером-исследователем нашего сектора. И он начал писать книжку об Ильенкове. Он знал хорошо Феликса Михайлова, с ним я был близко знаком. Когда я попал в Англию в 1985 году (вместе с Ниной Юлиной), я встретился в Оксфорде с Дэвидом. Дэвид тогда заканчивал свою диссертацию о Выготском и Ильенкове, какое-то время спустя в виде книжки он ее издал, книжка эта получила известность. В 1985 году еще книжки не было, а диссертация Дэвида уже писалась. И когда в 1986 году Дэвид должен был защищать эту диссертацию, мне прислал официальное письмо из Оксфорда, чтобы одним из оппонентов у него был я. Я пошел в дирекцию, но меня не пустили. Потом он женился в Оксфорде, на девушке Кристин. Она занималась года три у Майкла Коула в Калифорнии, в Лос-Анджелесе: у Коула есть лаборатория своя, он психолог, сторонник идеи Выготского и советской психологической школы. Дело в том, что Коул учился у Александра Романовича Лурии когда-то в Москве. В эти годы, советские годы, Алексей Николаевич Леонтьев, известный наш психолог, а также Лурия, Гальперин, приглашали массу людей из-за рубежа в качестве стажеров, и эти люди здесь работали — кто год, кто два, кто три. Потом они уезжали в разные страны мира: в США, Бразилию, Аргентину, в Европу и становились сторонниками наших идей, их проводниками (идей Выготского во всяком случае). Создалось довольно мощное международное сообщество, которое, учредило такое международное общество по изучению деятельности в культурном контексте. Это фактически попытка продолжать разрабатывать идеи, идущие от Выготского и от нашей леонтьевской школы. И вот Майкл Коул — один из таких людей, он в Америке очень влиятельная фигура, он издает журнал. Я их всех знаю, потому что в 1989 году я стал членом исполкома этого общества и был им 15 лет, участвовал во всех конгрессах этого общества в разных странах мира.

О своей международной деятельности. Перестройка

Е.Т.: Да, о вашей международной деятельности тоже надо поговорить отдельно.

В.Л.: Она связана в том числе и с этим. Это один из ее аспектов. И вот Дэвид Бэкхерст поехал вместе со своей женой к Майклу Коулу, там они года три поработали. А потом они переехали в Канаду и там они уже больше 20 лет живут, им там нравится, потому что, как многие считают, в Канаде жить легче, чем в США, потому что там лучше социальное обеспечение, какая-то более спокойная жизнь. Дэвид в течение многих лет был деканом философского факультета Университета Куинса, это в городе Кингстон, недалеко от Торонто. Я в 1992 году там был у него, он меня пригласил туда, дней на десять наверное, тогда они жили в доме на берегу озера Онтарио, где северный берег — это Канада, а южный берег — это уже США. Прямо на берегу у них прекрасный был дом, это было в марте месяце, а такое впечатление как будто я в Сибирь попал, там снега полно. Снег лопатами разгребали. И маленький городок Кингстон. В этом городе главное, что есть, — это университет. Весь город как бы обслуживает университет, никакой там промышленности, ничего нет, там есть магазинчики, профессора живут, студенты и те, кто обслуживает университет. Там очень хорошая обстановка, большой университет, много факультетов. Дэвид был деканом философского факультета много лет, сейчас он уже не декан, но продолжает быть профессором. А это известный университет, какие-то известные философы, которых я встречал, кончали университет Куинса.

Когда я был в Оксфорде в 1985 году, мне Ром Харре подарил галстук, на котором было что-то изображено. И вот я однажды этот галстук надел и за границу поехал. И вдруг какой-то ко мне подходит человек и говорит: «А вы что, кончали [нрзб] колледж?» оказывается каждый колледж Оксфордского Университета имеет свой галстук с особым рисунком, а я не знал этого, просто надел галстук, и все.

Е.Т.: Они как масоны по перстням, они своих по галстукам [узнают]. Это у них особенно престижные колледжи, очень гордятся. Это удивительно, потому что обычно даже не продают такие галстуки, только своим.

В.Л.: Этот галстук где-то у меня есть, давно не ношу его. Когда я надел его, я не знал, что этокакой-то символ такой.

Но в 1985 году мы с Ниной Юлиной перед Оксфордом три дня были в Кембридже. Там нас принимал известный философ Меллор. Он мне подарил тогда два тома, «Philosophy of Psychology» — это очень хорошие публикации по этой проблематике. Потом мы были в Оксфорде примерно неделю. Но мы из Оксфорда выезжали, я выступал с докладом в Лондонском университете, а Нина Юлина ездила в какой-то другой город, где-то она тоже выступала, потом мы снова соединились.

И когда мы там были, а это был март 1985 года, я включил телевизор и вдруг по телевизору узнаю: умер Черненко и генсеком выбран Горбачев. И сразу пошли комментарии английских экспертов, суть которых была в том, что теперь начнется новая эра в Советском Союзе. Потому что Горбачев, оказывается, до этого за полгода приезжал в Англию, встречался с Тэтчер и на нее произвел очень хорошее впечатление.

Е.Т.: Англичане это восприняли на «ура»

В.Л.: Конечно, они все оценивали со знаком «+». А когда мы летели уже обратно, я в какой-то английской газете прочитал, что Горбачев, конечно, будет менять курс в чем-то, но он не может его сразу изменить. И там такой образ приводился: огромный корабль океанский плывет по океану, ему нужно сменить курс, если он резко повернет, он опрокинется, он должен постепенно, медленно это делать, потому что ведь это огромное судно. Вот так же будет поступать и Горбачев, писал какой-то политический эксперт, он будет постепенно все менять. Но, как показала жизнь, постепенно у нас не получилось.